

Идеалы Свободы

Мы коснулись народных попыток противостоять погружению общества во «зло», а именно, сопротивление испанских коммунерос и французских санкюлотов национальному государству и ремесленников и независимых фермеров капитализму. Но против роста патрицентрических, урбанистических и экономических институтов все более антигуманистического и антиэкологического характера боролись люди с куда более взрывными идеалами и в куда более широком масштабе, чем я указал. Сегодня, когда мы рискуем утратить весь исторический опыт, особенно традиции революции и ее утопические альтернативы, которые она предлагает, особенно важно изучить движения за свободу, возникавшие на каждом поворотном пункте истории и предлагаемые ими идеалы свободы. Здесь мы можем увидеть примечательное развитие идеи компенсации погружения «цивилизации» во зло. Мы прогресс в самом настоящем смысле слова: расширяющуюся социальную борьбу, охватывающую все больше и больше фундаментальных проблем и все более тонкую концепцию свободы.

Сначала, разрешите мне обозначить очень важное различие: а именно, между идеалами свободы и понятием справедливости. Эти два слова так взаимозаменяемы в употреблении, что стали почти синонимами. В действительности, справедливость фундаментально отличается от свободы, и очень важно четко разделять одно и другое. Исторически они положили начало очень разным видам борьбы и провозглашали совсем разные требования со времен авторитарных систем наших дней. Различия между простыми реформами и фундаментальными изменениями в обществе основываются, по большей части на требовании справедливости и требовании свободы; тем не менее, эти понятия тесно связаны друг с другом в быстро меняющихся социальных ситуациях.

Справедливость — это требование беспристрастности, «честной игры» и распределения жизненных благ соразмерно вкладу каждого. Как сказал Томас Джефферсон, справедливость есть «равное и точное», основанное на принципе эквивалентности. Это честное, или эквивалентное, пропорциональное распределение благ, которые индивид может получить — социальных, юридических или материальных — как возмещение того, что он дал. Можно вспомнить традиционное изображение римской богини правосудия Юстиции — Справедливости, в одной руке держащей весы, а в другой — меч, на глазах — повязка. Собранные вместе, ее атрибуты свидетельствуют о количестве равенства, которое может быть подсчитано и равно поделено; власть насилия, стоящая за изображением меча как наказания (в условиях «цивилизации» меч стал эквивалентом Государства); «объективность» ее суждений выражается завязанными глазами.

Сложнейшие дискуссии о теориях справедливости, начиная от Аристотеля в античном мире и до Джона Роулза в наши дни, здесь рассматривать не стоит. Они запутали исследования в естественных законах, контрактах, взаимности и эгоизме — результатах, не имеющих непосредственного отношения к нашему исследованию. Но повязка на глазах

Справедливости и весы, которые богиня сжимает в руках, символизируют в высшей степени проблематичные взаимоотношения, которое мы не можем позволить себе проигнорировать.

В представлении Юстиции, все человеческие существа, по-видимому, «равны». Они стоят перед Юстицией «беззащитные», если говорить общепринятыми словами, лишенные социальных привилегий, особых прав и статуса. Народный «призыв к Правосудию» имеет длинную и сложную родословную. С самых ранних дней систематического давления и эксплуатации, люди дали голос Справедливости — слепой или нет — и сделали ее оратором угнетенных против бесчувственного неравенства и нарушения принципа эквивалентности.

Первоначально Справедливость противопоставлялась племенному канону кровной мести, бессмысленному возмездию за зло, причиненное какому-либо роду. Популярный *lex talionis* — око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь — относился исключительно к потерям, понесенным одним из родственников, а не ко всем людям в целом. Разумный как требование племенной справедливости, каким он мог показаться в повелении о равном наказании, этот принцип был местным и ограниченным. Никто бы не вступился за оскорбленного или убитого чужака — кроме его или ее рода на удаленной территории. Наказание в результате оказывалось весьма произвольным. Не одну жизнь требовало себе общество за преступление, совершенные исключительно в представлении очевидца, с тем страшным результатом, что родовая вражда могла длиться в поколениях, требуя целых общин и людей, явно невиновных в преступлениях, которые не скоро изгладятся из памяти сражающихся.

В высшей степени спорный смысл Эсхилловой «Орестеи» — драматической греческой трилогии, где племенная месть сыну, убившему мать, чтобы отомстить за смерть отца — имеет несколько разных тем. Одной из очень важных является тема высокого смысла обязательств сына (как и дочери) перед матерью в системе так называемого матриархального закона, где скорее женщины, чем мужчины, по-видимому, формировали социально признанные узлы родства и наследственности. Но не менее важна как тема — а, возможно, и более, для классических афинян, столь ценивших эту трилогию, — это необходимость провести справедливость от архаического мира грубой, бессмысленной мести до области разумной и объективной справедливости: сделать справедливость «равной и точной».

Это не значит, что справедливость (правосудие) происходит из Греции. В период, последовавший за переходом от племенных обществ к феодальным аристократиям и абсолютным монархиям, призыв к справедливости — а на самом деле, к письменным сводам законов, четко отличающих наказания от преступлений — стало основным требованием угнетенных. Эквивалентность в форме справедливости «равной и точной» потихоньку отрывалась от классовой основы — был ли это Hebrew Deuteronomic Code или реформы Солона в Афинах. Римский закон, являющийся базой для большинства современных западных юриспруденций и, сильно усложнило ранние достижения народа, допуская в *jus naturale* и *jus gentium*, что люди действительно могут быть равны от природы, какое бы неравное положение в обществе они не занимали. Даже рабство было признано своего рода «контрактом», согласно которому раб, чья жизнь могла быть отнята на войне, оставался в живых, отдавая свое тело и труд победителю

Тем не менее, проблематичным в отношении «равной и точной» справедливости является то, что люди не равны от природы, несмотря на формальное равенство, существующее между ними в простейшем обществе. Некоторые индивиды рождаются сильными физически; другие могут быть слабее по сравнению с первыми. К тому же они приметно отличаются друг от друга по таким показателям, как здоровье, возраст, слабость, талант, интеллект и материальные блага, находящиеся в их распоряжении. Эти различия могут быть пустячными или очень важными в контексте требований, предъявляемых к ним повседневной жизнью.

Ирония заключается в том, что понятие равенства может использоваться там, где мы имеем дело с очень неравными условиями: одинаковые требования предъявляются совершенно несравнимым индивидам, обладающим неодинаковыми способностями. Права, приобретенные ими, казалось бы, «равные и точные», становятся бесполезными для тех, кто не может воспользоваться ими по причинам физического или материального свойства. Таким образом, справедливость становится очень неравной по своей сущности именно потому, что она основана на простоте формы. Неравенство равных может возникнуть в обществе, которое делает всех юридически равными, не соотносясь с его или ее физическим и ментальным уровнем.

Так называемые родовые племенные общества явно показывают, что такого рода неравенство существовало и были попытки найти компенсирующие механизмы, чтобы создать реальное равенство. Принцип неделимого минимума, например, создал жесткую основу для грядущего экономического неравенства, которое в современном обществе делает многих людей, формально равных, по существу в высшей степени неравными. Каждый, безотносительно к его или ее статусу, способностям и даже желанию материально содействовать общине, имели право на основные жизненные блага. В этих благах не могло быть отказано никому, являющемуся членом общины. Когда только это было возможно, к немощным, старым и больным возникало особое отношение, чтобы «уравнять» их материальное положение и максимально уменьшить ощущение зависимости. Существуют доказательства, что такая забота восходит к неандертальским общинам, около 50 тыс. лет назад. Были найдены остатки скелета зрелого мужчины, который получил сильные повреждения при рождении и не мог бы выжить без особого внимания, которое ему уделяла община. Конечно, на уровне экономической жизни, Максима справедливости — неравенство равных — еще не вполне сформировалось. Доисторическими людьми правила другая Максима — равенство неравных — максима, сформировавшая фундамент для идеала свободы.

Попытка уравнивать неизбежные неравенства, компенсировать почти на всех уровнях жизни недостатки, появившиеся из-за обстоятельств, не поддающихся контролю — будь это физическое повреждение любого рода или даже ущемление прав вследствие проступков, неизбежных факторов — формирует отправную точку для свободного общества. Я говорю здесь не только об очевидных механизмах компенсации, которые вступают в игру, когда индивид болен или травмирован. Я говорю об отношении как таковом; о перспективе, которая проявляется в смысле заботы, разумности и нормального отношения к страдающим человеческим и нечеловеческим существам, находящимся в бедственном положении, к трудностям, которые можно облегчить или устранить вмешательством. Концепция

равенства неравных может держаться на эмоциональных детерминантах, таких как чувство симпатии, общности и традиции, вызывающие чувство солидарности; в действительности, даже эстетическое чувство, которое находит красоту в природе и свободу в дикости. Основное либертарное понятие, которое часто принимают за справедливость «точный и равный» — неадекватно, потому что может обречь бессчетное количество людей на жизнь, лишенную привилегий или, еще хуже, из-за факторов, которые можно исправить рациональными средствами — это краеугольный камень свободы, представляющей собой этику. «Свободно» реализовать свои возможности и получить удовлетворение предполагает, что эти возможности можно реализовать, потому что общество живет по этике равенства неравных.

Позвольте мне здесь сделать ударение на слове «этика». Доисторические общины жили по Максиму равенства неравных как по обычаю — смутной форме унаследованной традиции. Более того, по причине их ограниченности обычай относился исключительно с членам общины, но не «чужакам». Доисторические люди были столь же уязвимы к жестоким нападкам на свои обычаи, как и к вторжениям технически более развитых общин. Было не так сложно разбить вдребезги обычаи вроде равенства неравных и заменить их системами привилегий, в которых не хватало даже понятия справедливости. Когда однажды традиционные свободы были уничтожены, на первый план вышел «призыв к правосудию» — бедный, не необходимый суррогат разнузданной власти аристократов и королей.

Моральные предписания, позже сформулированные в законы, начали ограничивать их власть. Библейские пророки, особенно анархический Амос, не только низвергали риторические громы и молнии на привилегированные классы и королей Иудеи, они также расширяли границы обычая, основанного на традиции, до области морали...

Угнетенные больше не могли искать путей исправления несправедливости в туманной мгле традиций. Они могли установить моральный кодекс, базирующийся на уже существующих системах власти, чтобы сохранить те ограниченные права, которые они вытребовали. Но никаких серьезных попыток сформулировать эти права в рациональных терминах, так сказать, превратить ее в последовательную этику, сделано не было.

В течение многих веков после этого справедливость оставалась делом морали, приняв квази-религиозную форму, часто совершенно сверхъестественную, она имела скорее форму заповедей, чем логических суждений. «Равный и точный» означало точность, а не рациональное обоснование правильного и неправильного. На самом деле, правильное и неправильное было предписано небесами и куда чаще встречалось как «добродетель» и «грех», чем как «правильное» («справедливое») и «неправильное» («несправедливое»). Мы должны обратиться в основном к грекам и римлянам — как к их философам, так и к юристам, — чтобы найти рациональные дебаты в светском языке реального мира, о справедливости, а в конце концов, и свободе.

Именно эти мыслители решили, что справедливость, рассматриваемая как рациональное и светское дело, приняла форму этической проблемы. Люди начали выискивать разницу между честными и нечестными действиями, а не просто рассматривать их как моральные предписания божества или унаследованной, проверенной временем обычаи. Свобода возникала не как неодолимое желание, но как совокупность идей, усложненная критикой и

идеями переустройства общества. Возникла новая сфера эволюции, не только природная и социальная, но этическая и эмансипирующая. Идеалы свободы начали становиться частью эволюции хорошего общества и, в наше с вами время, экологического общества.

Версия #1

Зверобой создал 2 мая 2025 13:37:50

Зверобой обновил 2 мая 2025 13:38:10